

С. ПАФЛОВЪ.

SPEDULUM

ANNAMAE

127
507

127

507a С. РАФРАЛОВЪ

SPECULUM
ANIMAE

ИЗД. ШИПОВНИКЪ.

И П Л Ю С Т Р А Ц И И

С. Г. СУДЕЙКИНЪ

СМѢЛОСТЬ И СПЕСЪ
ОТВѢТЪ С ХРАБРОСТЬ

Б. И. ДИСКРЕПЕДЪ

НЕНАВИСТЬ СКОРЬ С ГОРДОСТЬ

Л. В. ДОБУЖИНСКІЙ

ЗЛОБА С НЕЖНОСТЬ
СКУПОСТЬ РЕВНОСТЬ

Д. Е. ЯКОВЛЕВЪ

СВ. ЧЕХОНИНЪ

ПРЕДАНА
НОСТЬ
ВЪ РА

САМОТВЕР
ЖЕННОСТЬ
ПЕЧАТЬ

Право собственности въ Россіи закрѣлено за авторомъ во всѣхъ
странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ленинград
П 198 РК 3299/1

127
507a

INDIPENDENT

Н Ъ Ж Н О С Т Ь

STOON

Въ насъ кровь одна. Въ одной утробѣ
Созрѣли тайно два зерна.

Мы не уснемъ въ единомъ гробѣ,
Но въ насъ двоихъ душа одна.

Не слиться намъ. Тѣла раздѣльны,
И я — не ты, и ты — не я,
Но насъ роднитъ призывъ бездѣльный
И безпричинный бытія.

И безкорыстенъ, и бесплоденъ,
И неразрывенъ нашъ союзъ,
Нерасторжимостью свободенъ
И крѣпокъ властью тайныхъ узъ.

И чѣмъ мы дальше другъ отъ друга
Въ заботахъ тягостнаго дня,
Тѣмъ совершеннѣй обликъ круга
Съ тобой связавшаго меня,

Тѣмъ замыкается тѣснѣе
Безбрежной вѣчности кольцо,
И въ насъ двоихъ лишь намъ виднѣе
Міровъ единое лицо..

Вѣрна призванію земному
И власти тайны неземной,
Любя, отдашься ты другому
И будешь страшною женой.

Былые миги продолжая
Чудесной жертвой матерей,
На вѣкъ родная и чужая,
Родивъ, полюбишь ты дѣтей.

И въ часъ тревоги иль досуга,
Покорна благостной судьбѣ,
Среди толпы найдешь ты друга
Съ душою близкою тебѣ.

Вѣрна семьѣ, вѣрна чужому,
Узнаешь, что кому отдать...
Лишь для меня, но по иному,
Ты будешь другъ, жена и мать.

Лишь для меня, не тратя силы
И не мѣняясь въ смѣнѣ дней,
Отъ колыбели до могилы
Сестрой останешься моею...

Не жаждемъ мы ни правъ, ни дара,
И каждый свѣтитъ въ другомъ
Не яркимъ пламенемъ пожара,
А негасимымъ огонькомъ.

Въ кожанномъ креслѣ усѣвшись покойно,
Бабушка вяжетъ чулокъ.

Мысли, какъ тучи, толпою нестройной
Тихо плывутъ на востокъ,

Къ годамъ минувшимъ, гдѣ солнце всходило,
Къ годамъ, гдѣ солнце взошло.

Тамъ, вдалекѣ, зеленѣетъ могила,
Воды блестятъ, какъ стекло.

Путь многолѣтній прошедшіе рядомъ
Спутники, мужъ и жена,
Тамъ, обмѣнявшись тоскующимъ взглядомъ,
Выпили оба до дна

Жизни согласной душистый напитокъ,
Горькое зелье разлукъ.

Счастья былого исписанный свитокъ
Выпалъ изъ старческихъ рукъ.

Все и пришло, и ушло въ свое время,
Жажду души утоливъ;
Страстныхъ желаній тяжелое бремя
Смыли приливъ и отливъ.

Было такъ близко отъ нихъ до могилы,
Ровень и гладокъ былъ путь, —
Глазъ приглядѣлся, примѣрились силы,
Явность разсѣяла жуть.

Нѣжно и мирно прощанье свершилось;
Память тиха и нѣжна.
Тихо баюкаетъ все, что любилося,
Нѣжно груститъ тишина...

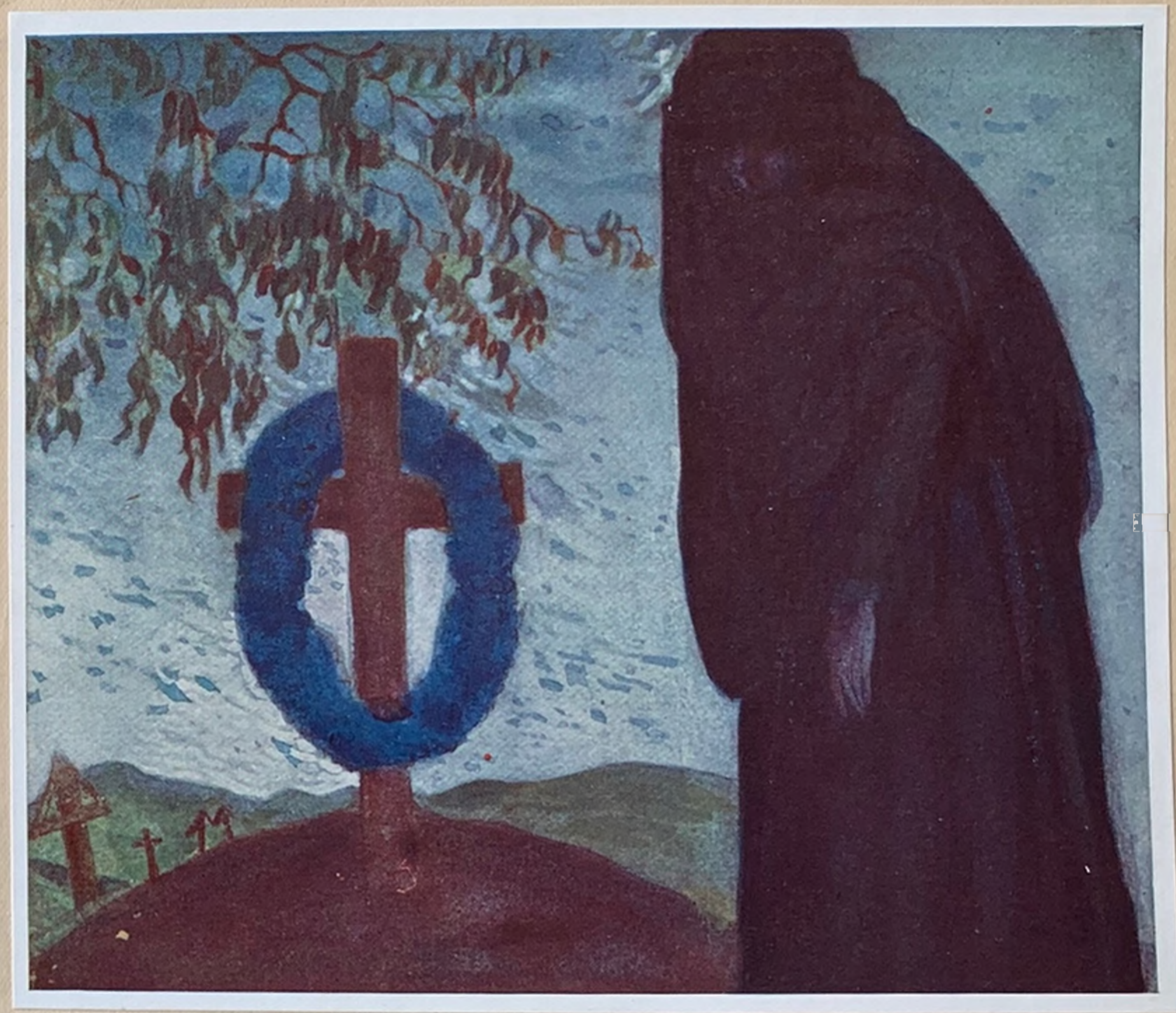
Долгіе годы проживъ одиноко
Въ сонмѣ дѣтей и внучатъ,
Знаетъ вдова, что стремнины потока
Юныхъ отъ старыхъ умчатъ;

Знаетъ, что все увядаетъ, что спѣветъ,
Сновъ, какъ цвѣтовъ, не вернуть;
Знаетъ, что слабая старость сумѣетъ
Съ кресла въ могилу шагнуть...

Въ бѣломъ чепцѣ надъ кудрями сѣдыми,
Съ добрымъ и грустнымъ лицомъ,
Бабушка жизнь доживаетъ съ живыми,
Въ прошломъ живетъ съ мертвецомъ.

С К О Р Ъ Ъ

Надъ свѣжей могилой въ раздумьѣ нѣмомъ
Склонилась она и застыла.

Безмолвно, пустынно и тихо кругомъ,
Тиха и безмолвна могила.

И тихо, должно быть, подъ рыхлой землей,
Покорной привычнымъ обрядамъ,
Гдѣ мертвый ребенокъ съ умершей мечтой
Навѣкъ успокоились рядомъ.

Пусть нѣтъ имъ возврата, пусть нѣтъ имъ слѣда,
Пусть съ прошлымъ грядущее схоже:
Лишь то, чего жизнь не вернетъ никогда,
И жизни, и счастья дороже.

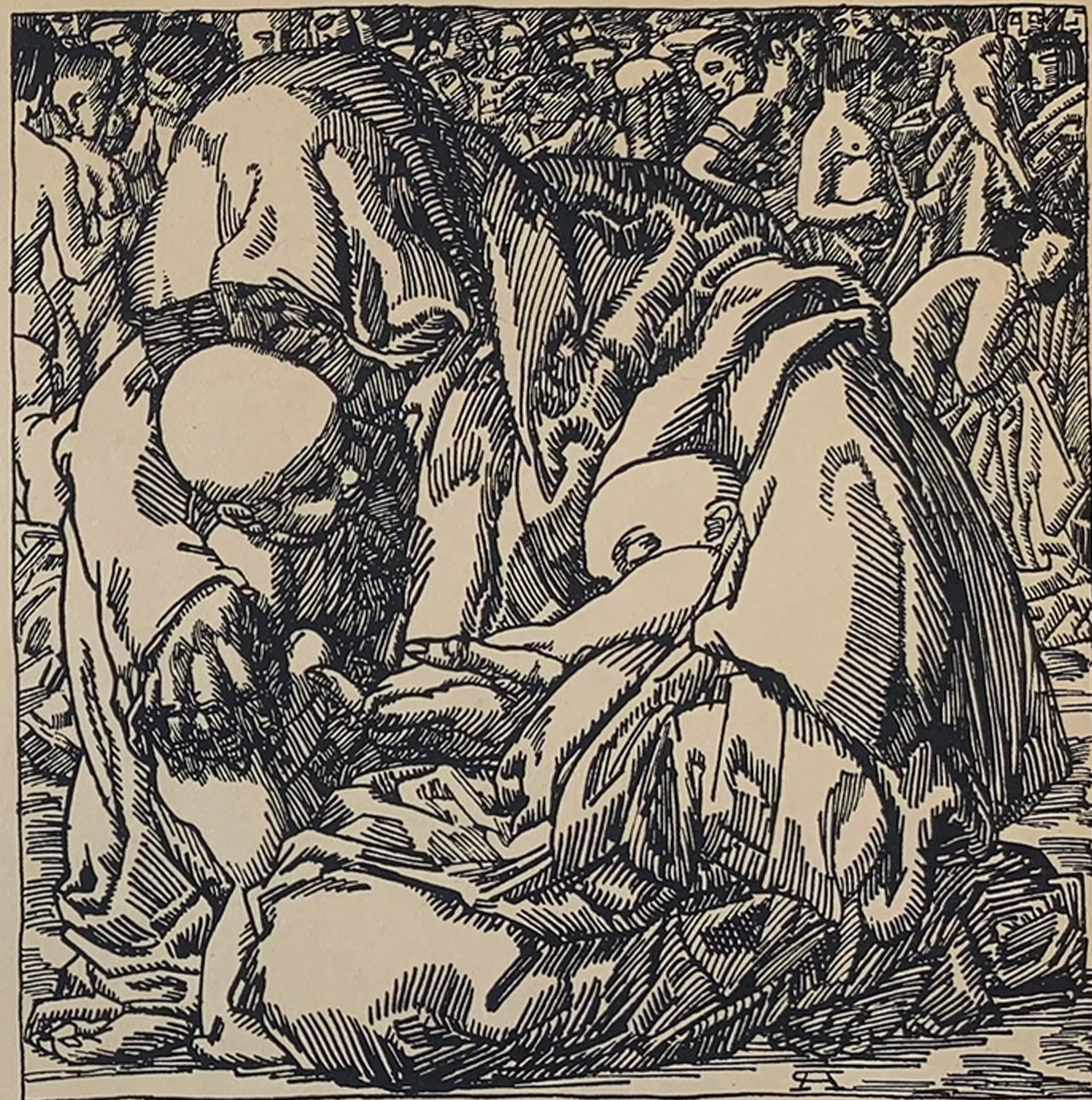
Могильной плитой ограниченъ просторъ,
Безсильныя руки повисли,
Угасшіе взгляды гасятъ ея взоръ,
И мертвыми скованы мысли.

Подъ черной вуалью не видно лица, —
Надъ гробомъ ей жизни не видно.
Одно лишь страшить ее: жить безъ конца,
Одна только смерть ей завидна.

Глядитъ и не видитъ, и спитъ на яву,
Къ призывамъ живущихъ глухая.
И кто-бъ ни сказалъ ей: «тобой я живу»,
Отвѣтила-бъ: «съ нимъ умерла я».

ПРЕДАМНОСТЪ

Старая, добрая, тихо-ворчливая,
Голову клонить, не выпрямить плечъ,
Стонетъ, крихтитъ, — не уступить, ревнивая,
Права трудиться, журить и беречь.

Щеки и лобъ всѣ изрыты морщинами:
Ночи бессонныя, черныя дни; —
Чуждой тревогой, чужими кручинами
Вѣрное сердце томили они.

Вспомнить ли прошлое — дѣти любимые,
Дѣти чужіе глядятъ на нее,
Плачутъ, смѣются, болѣютъ родимые,
Шепчутъ про горе иль счастье свое.

Имъ отдала она дни беззаботныя
Только однажды цвѣтущей весны,
Жизни безропотной годы безсчетныя,
Женскую ласку и дѣвичьи сны.

Имъ отдала бы и старость недужную,
Уголъ насиженный въ домѣ чужомъ,
Жизнь для живыхъ и умершихъ ненужную,
Больше чѣмъ жизнь свою — мысль о быломъ.

Ходить — плетется привычками связана,
— Руки ласкают и губы ворчатъ, —
Точно хранить и понынѣ обязана
Бабушку, дочку иль малыхъ внучатъ.

САМОТВЕРЖЕННОСТЬ

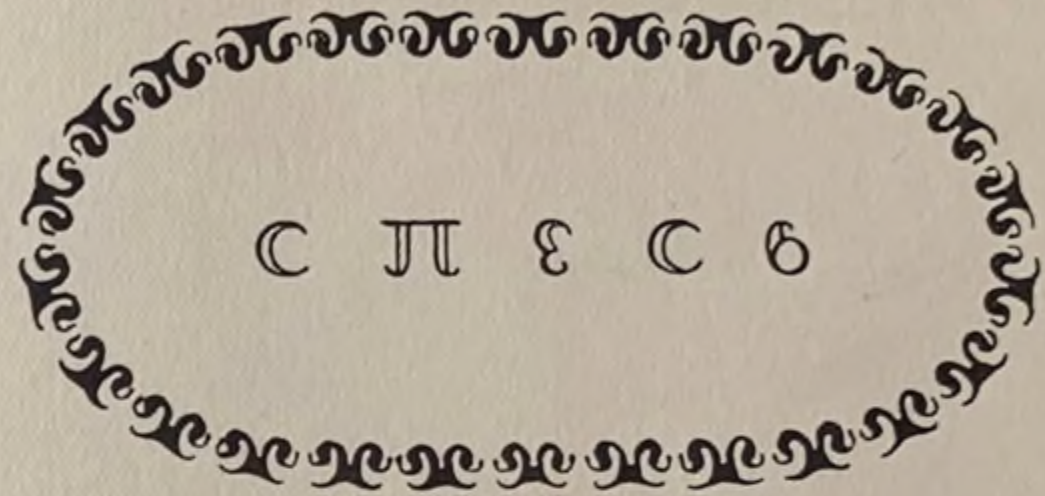
Въ бѣлой косынкѣ, въ передникѣ бѣломъ,
Съ нѣжностью скорбною въ свѣтлыхъ очахъ,
Зовамъ тѣлесности чуждая тѣломъ,
Тихо врачуетъ страдающій прахъ.

Счастья земного лучи и напѣвы
Стойкое сердце не могутъ увлечь.
Пусть, соблазняясь, терзаются дѣвы, —
То, что не цѣнно, не трудно сберечь.

Все, что случайно даровано было,
Съ чѣмъ безпричинно связалъ ее рокъ,
Вырвала съ корнемъ — и руки раскрыла,
Въ бездну свергая увядшій цвѣтокъ.

Свѣтлой тропою незримой свободы
Молча идетъ, не сбиваясь съ пути,
Тамъ, гдѣ безцѣльно тѣснятся народы,
Тамъ, гдѣ владыки не въ силахъ пройти.

Жизнь отдала она горю чужому,
Чуждымъ страданіямъ жаждетъ помочь.
Блѣдная, бѣлая, свѣтитъ больному
Точно звѣзда, прояснившая ночь.

Тѣломъ огромнымъ движеній не дѣлая,
Точно по сушѣ плыветъ,
Медленно движется баба дебелая,
Выпятивъ грудь и животъ.

Щеки отвисли мѣшками мясистыми,
Носъ — какъ изогнутый ножъ.
Щурится глазъ подъ бровями пушистыми,
Станъ на колоду похожъ.

Вся, какъ икона, камнями увѣшана;
Въ бархатѣ вся и шелкахъ;
Властью хмельна, на почетѣ помѣшана,
Любитъ лишь зависть и страхъ.

Сладко ей женщинъ унизить нарядами,
Блескомъ камней ослѣпить;
Гордымъ презрѣніемъ, дерзкими взглядами
Встрѣчныхъ, какъ челядь, дарить.

Важно идетъ она улицей людною:

«Эй, разступайся народъ!»

Горе тому, кто мечтой безразсудною

Пьянь, безъ поклона пройдетъ;

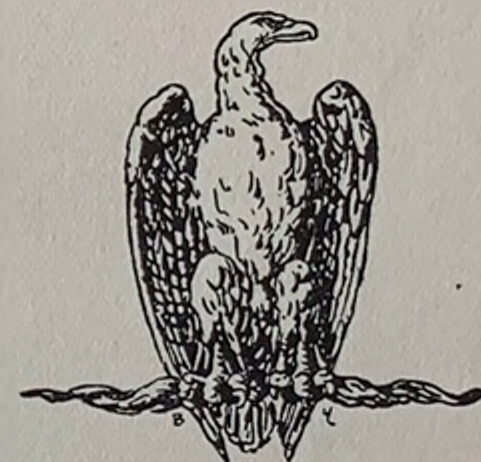
Честъ ей и мѣсто: пусть каждый сторонится...

Если-жъ прохожій знатнѣй,

Съежится барыня, низко поклонится,

Точно онъ властенъ надъ ней.

ГОРДОСТЬ

J. LAPINA & Co IMP. EDIT. PARIS.

Она возсѣдаетъ на креслѣ точеномъ,
Къ подножью ступени ведутъ;
Состоятъ по ступенямъ пажи; передъ трономъ
Сановники знатные ждутъ.

Разсѣяннымъ взглядомъ даритъ ихъ царица,
Встрѣчаетъ небрежнымъ кивкомъ.
Придворныхъ притворно-умильныя лица,
Склоняясь, проходятъ гуськомъ.

Со шляпами руки въ поклонѣ застыли,
Привычная гнется спина;
И пудры вельможной, и солнечной пыли
Высокая зала полна.

Топорщится-блещетъ шитье золотое,
Звѣзда на груди — какъ фонарь.
Но знатная челядь — лишь стадо людское,
А стадо — безликая тварь.

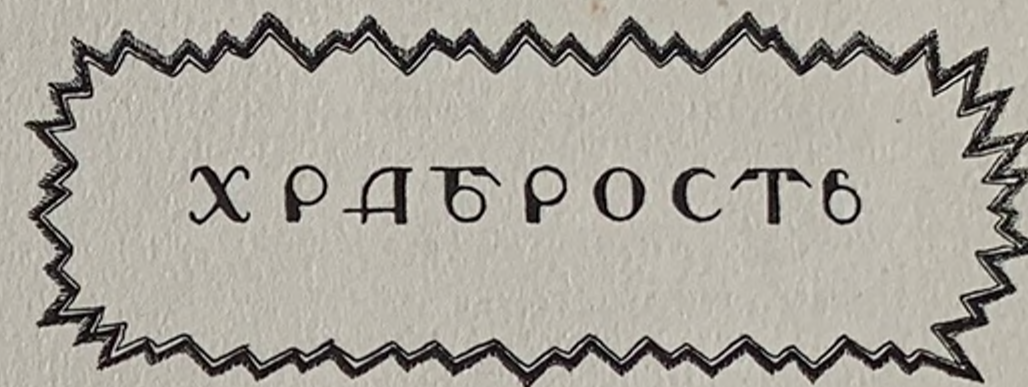
И выпрямивъ стройную, нѣжную шею,
Головку откинувъ, — Она
Съ досадою шепчетъ: «я властью своею
Въ неволю рабамъ отдана;

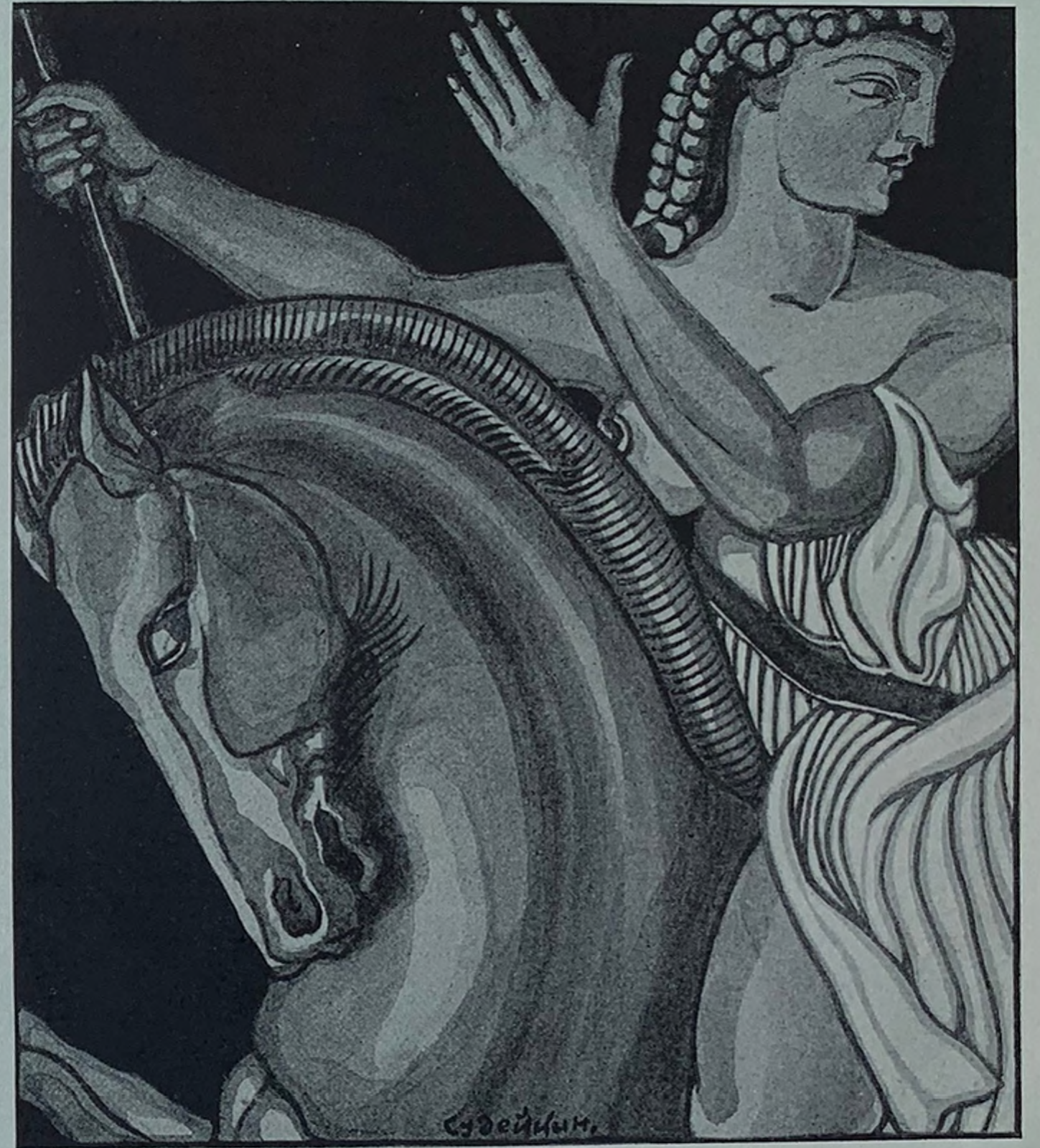
Царить надъ рабами царя недостойно,
Царить надъ царями хочу».

И тонкую руку подъемлетъ спокойно,
Безъ словъ разгоняя толпу;

И тихо идетъ по пустыннымъ чертогамъ
Въ вѣнцѣ золотистыхъ лучей,

И грезитъ, забывшись, что встрѣтилась съ Богомъ, —
И Богъ преклонился предъ ней.

Подобранъ и стянуть хитонъ ея бѣлый,
Острижены кудри и выжжена грудь,
Чтобъ лукъ тугострунный и мечущій стрѣлы
Она безъ помѣхи могла натянуть.

И руки, и ноги она обнажила,
Схватила сѣкиру и вскинула щитъ,
Для боя, гдѣ силой измѣрится сила,
Для быстрой погони, коль врагъ побѣдить.

Какъ сталь закалился для тяжелой работы
Приземистый, крѣпкій, но женственный станъ;
И въ жути смертельной борьбы иль охоты
Чужды ей и жалость, и робкій обманъ.

И свѣтелъ, и ясенъ, и властно-спокоенъ
Очей немигающихъ вдумчивый взоръ;
И — дѣва иль мать — предъ врагомъ она — воинъ
И вѣрный соратникъ для вѣрныхъ сестеръ.

Въ борьбѣ и ловитвѣ не ищетъ забавы,
Но дѣло свершаетъ и долгу вѣрна;
Чуждается рабства, гнушается славы
И подвигъ ненужный отвергнетъ она.

Безтрепетнымъ духомъ опасность измѣритъ,
Осудитъ бездумный и дикій порывъ,
И трезвымъ расчетамъ свершенье довѣритъ,
Предъ смертью и солнцемъ очей не склонивъ.

Она побѣдила не силой, а властью,
Не мощью, а волей — красавца-коня,
И стало забавой, и сдѣлалось страстью
Полезное дѣло минувшаго дня.

Не кровь свой она охранить отъ сосѣда,
И въ даль не за пищу бѣгъ устремленъ,
Но радуеть душу иная побѣда
И звѣрь ей не нуженъ, коль звѣрь укрощенъ.

Бороться съ сильнѣйшимъ искусствомъ разумнымъ
И прихоти быстрой его подчинить,
Надъ звѣремъ свободнымъ, надъ звѣремъ бездумнымъ,
Горячимъ и гордымъ безстрашно царить,

И мчатся, и мчатся, забывъ о покоѣ
Вселенной созвучной и мѣрной какъ стихъ, —
Да есть ли на свѣтѣ блаженство такое?
Да стоитъ ли вѣчность мгновений такихъ?

Спина Афродиты и руки Паллады,
Широкія плечи и дѣвственный станъ,
Суровость Діаны и дикость Менады
Любовныхъ томленій презрѣвшихъ обманъ.

Къ могучей спинѣ непокорнаго звѣря
Она приросла, невѣсома, какъ пухъ,
Стремя иль влекома, но въ мощь свою вѣря,
Какъ съ плотью сліянный, безтрепетный духъ.

Какъ ель стройна, какъ дубъ могуча,
Гибка, какъ ивы гибкій стволъ,
Бѣла какъ снѣгъ, черна какъ туча,
Быстра какъ лань, груба какъ волъ.

Тюрьму одеждъ расторгнувъ смѣло,
И стыдъ отбросивъ далеко,
Съ трико слилось нагое тѣло,
И тѣломъ кажется трико.

Блестя рядами мелкихъ блесокъ,—
Подъ золотою чешуей
Упругій станъ и твердъ, и жестокъ,
Какъ сукъ охваченный змѣей.

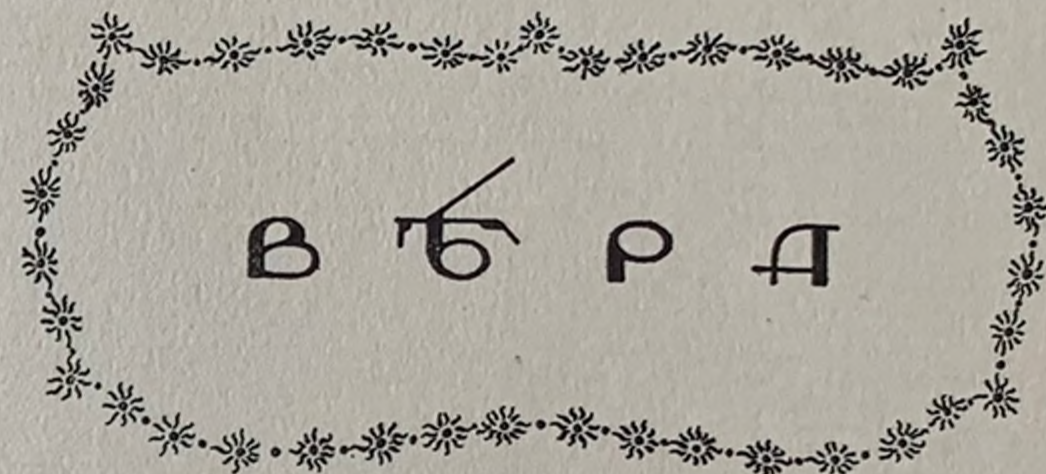
И высоко подъ сводомъ круглымъ,
Въ сіяньѣ бѣлыхъ фонарей,
Она мелькаетъ ликомъ смуглымъ
Подъ чернымъ облакомъ кудрей.

Со злой опасностью играя, —
Надъ пропастью, гдѣ гибель ждетъ,
Отъ края сводовъ и до края
Она свершаетъ свой полетъ;

Впередъ, назадъ, надъ темной бездной
Летитъ безъ встрѣчъ и безъ разлукъ,
Отдавъ работѣ бесполезной
Безстрашье думъ и силу рукъ.

Отрадно ей пытаться удачу,
Дразнить лукавую судьбу,
Рѣшать ненужную задачу,
Вести безцѣльную борьбу,

И, каждый мигъ касаясь гроба,
Упасть, блестя, среди огней, —
Межъ тѣмъ какъ страхъ, восторгъ и злоба
Толпу склоняютъ передъ ней.

Съ лицомъ старухи, но ребенокъ съ виду,
Она слѣпого за-руку ведетъ;
Какъ сына мать, его не дастъ въ обиду,
Какъ дочь покорная, безъ спросу не уйдетъ.

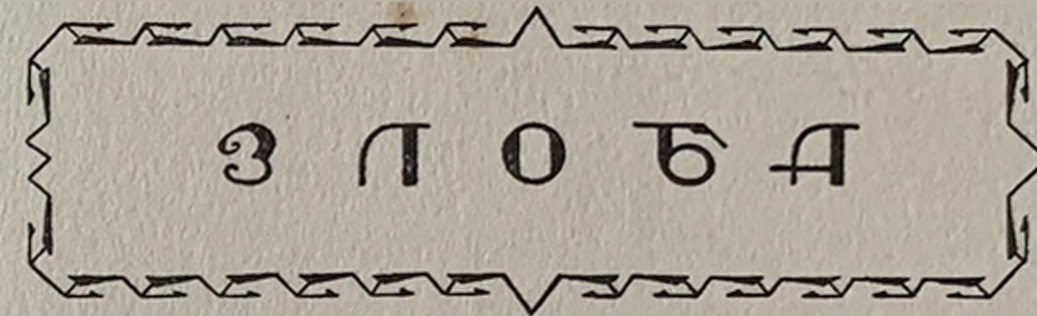
Они бредутъ: куда? — не знаютъ сами:
Вернутся вспять, чтобъ снова завернуть;
И каждый день нетвердыми шагами
Проходятъ, не спѣша, одинъ и тотъ же путь.

Отъ встрѣчныхъ ждуть подачки иль укора,
Какъ отъ владыкъ безвольные рабы,
И какъ рабы, не чувствуютъ позора
Привычныхъ слезъ навязчивой мольбы.

Враждебно все и каждый шагъ опасенъ;
Того, кто слабъ, злой рокъ не пощадитъ.
Какъ міръ кругомъ и свѣтель, и прекрасенъ
Не видитъ онъ, она — не разглядитъ.

Онъ старъ и слабъ, она — ребенокъ хилый.
Онъ все забылъ, ей — нечего забыть.
И сказки дѣтскія теперь обоимъ милы,
Коль въ сказкѣ то, чего не можетъ быть.

Такъ, день за днемъ, бредутъ и бредятъ оба;
Цвѣтетъ земля невидимо для нихъ;
И жизнь мертва, и смерть жива до гроба,
Одна для двухъ: невѣста и женихъ.

Сухо, какъ дерево, тошее тѣло;
Старое платье виситъ какъ-нибудь;
Кожа, какъ осенью листь, пожелтѣла;
Выпали волосы, высохла грудь.

Точно березѣ цвѣтушей и стройной
Корни живые на вѣкъ обрубилъ,
Въ пору далекую юности знойной,
Мощный напоръ неистраченныхъ силъ.

Солнце-ли грѣетъ иль дождь освѣжаетъ —
Ей не напиться, ее не согрѣть.
Саваномъ сѣрымъ ее окружаетъ
Жизни бесплодной дырявая сѣть.

Гдѣ-бъ ни закинуть, — не будетъ улова:
Годы сквозь дыры бѣгутъ какъ вода;
Люди проходятъ безъ добраго слова,
Люди не вспомнить: никто, никогда.

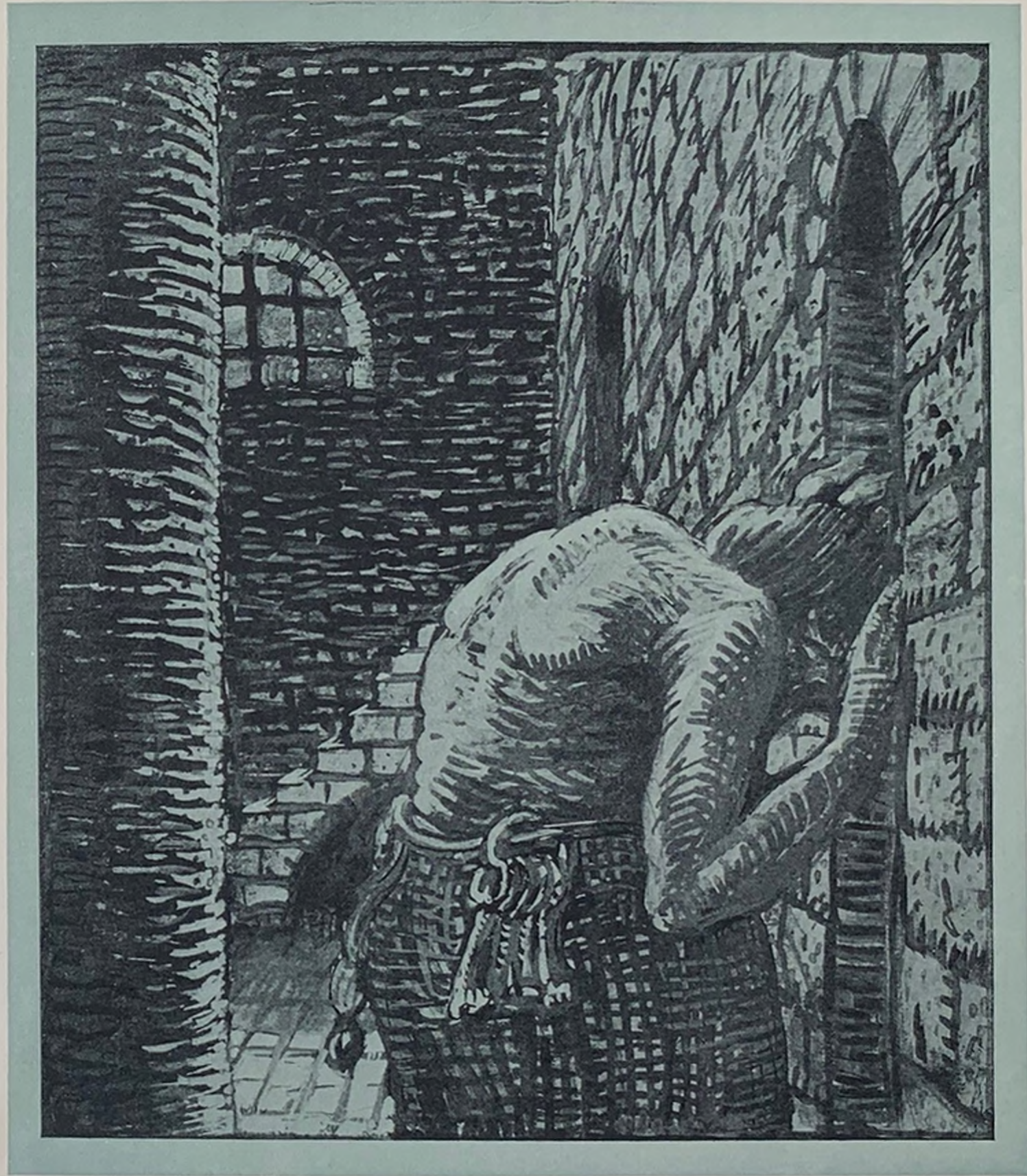
Столько кругомъ и тепла, и уюта,
Столько любви и желанья любить...
Какъ не завидовать завистью лютой?
Горькой обиды въ душѣ не таить?

Отзвукъ успѣха — источникъ досады,
Отблескъ веселія — рѣжетъ глаза.
Желчная, шепчетъ: «чему они рады?
Счастье — для вора, и смѣхъ — для глупца».

Тонкія губы презрительно сжаты,
Впалыя очи сурово глядятъ,
Скудныя мысли злословьемъ богаты,
Быстрыя рѣчи шипятъ и язвятъ.

РЕВНОСТЬ

Въ тѣлѣ дрябломъ и горбатомъ
Духъ уродливый и злой
Гордый гнѣвъ зоветъ собратомъ
И любовь зоветъ сестрой.

И, покоренъ злой затѣбъ,
Замокъ грозенъ и суровъ.
Но тюремщица страшнѣе
Стѣнъ, окоповъ и оковъ.

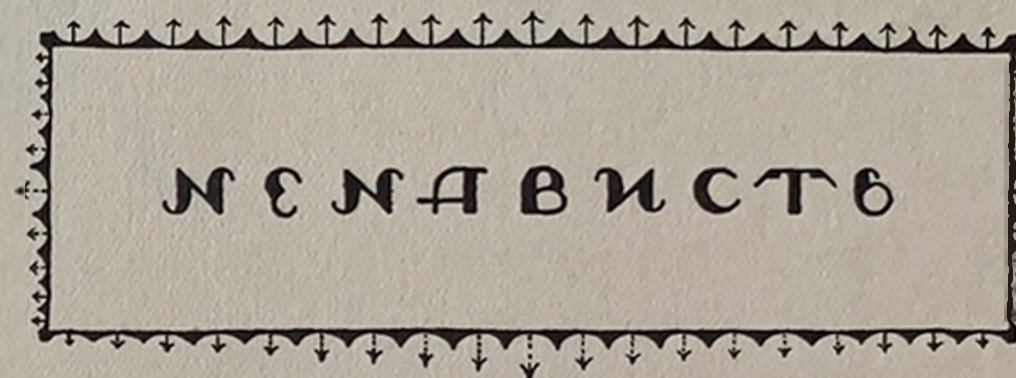
Ей невѣдома свобода,
Незнакомъ просторъ полей:
Изъ подъ каменнаго свода
Къ сводамъ синимъ нѣтъ путей.

Ходить крадучись, какъ кошка,
И, таясь какъ дикій звѣрь,
Все увидитъ сквозь окошко,
Все услышитъ черезъ дверь.

Все и помнить, и предвидить,
Мысли тайны прочтеть,
Безпокойныхъ ненавидить,
Непокорныхъ въ гробъ сведеть.

И во мглѣ, звеня ключами,
Точно вѣдьма кочергой,
Жалить острыми словами,
Жжетъ палящею тоской;

И пощады не даруетъ;
Но коварна, какъ судьба,
Мукой страстной зачаруетъ
Озвѣрѣвшаго раба.

Чужая власть ее поработила,
Сломила мощь и воли, и ума;
Гдѣ былъ престоль — отверзлася могила,
Гдѣ былъ просторъ — воздвиглася тюрьма.

Она въ цѣпяхъ. Ее, подобно птицѣ,
Злой врагъ загналъ въ невидимый силокъ,
И приковавъ къ побѣдной колесницѣ,
Своимъ путемъ, въ края свои увлекъ.

Покрыла пыль и тѣло, и одежды,
И очи жжетъ, и цѣнные шелка.
Какъ плескъ воды, чуть слышенъ зовъ надежды
Несбыточно текучей, какъ рѣка.

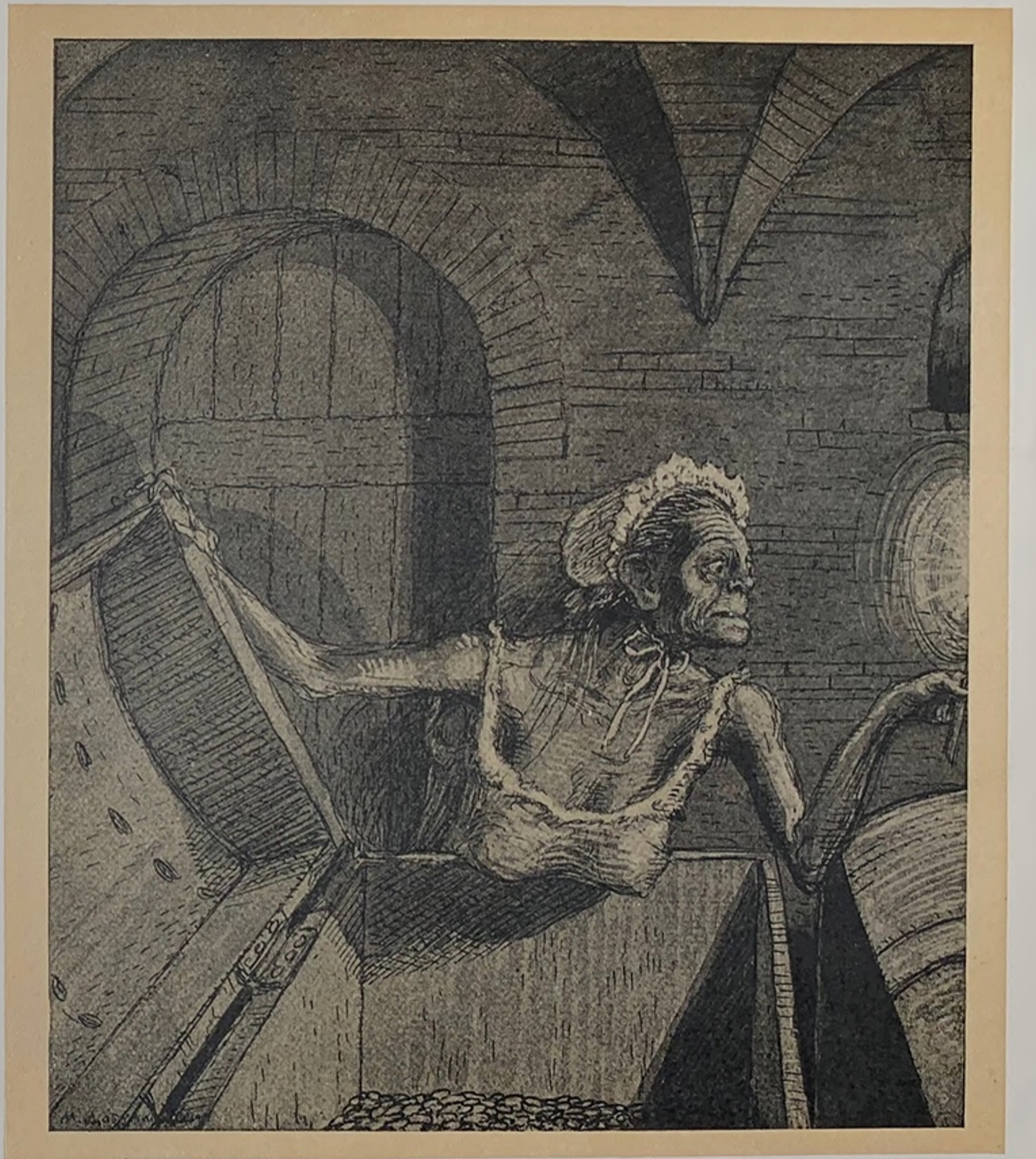
И чѣмъ труднѣй итти чужой дорогой,
Чѣмъ ярче блескъ чужого торжества,
Чѣмъ выше царь надъ плѣнницей убогой,
Чѣмъ царскія презрительнѣй слова,

Тѣмъ связь тѣснѣй межъ гнѣвомъ и страданьемъ,
Тѣмъ уже грань межъ злобой и тоской,
И каждый вздохъ становится рычаньемъ
И тонкій шипъ любви — отравленной стрѣлой.

Но тетиву могучаго хотѣнья
Рукою скованной кто можетъ натянуть?
И острою стрѣлой — подъ смѣхъ самопрезрѣнья —
Придется ей самой пронзить свою же грудь.

СКУПОСТЬ

Кожа и кости, въ отрепья одѣта,
Грязныя ноги въ дырявыхъ туфляхъ;
Въ ищущихъ взглядахъ, отвыкшихъ отъ свѣта,
Хищная жадность и жалостный страхъ.

Заперты двери и ставни закрыты;
Пылью прикрыла стѣна наготу;
Мутныя стекла годами не мыты;
Сажа горою легла на плиту.

Ходить старуха и свѣтитъ лучиной,
Въ уголь заглянетъ, подъ столъ поглядитъ;
Къ двери, что заткана вся паутиной,
Ухо приложитъ, молчитъ и дрожитъ.

Въ комнатѣ дальней, за дверью дубовой,
Ящикъ за ящикомъ тянутся въ рядъ.
Полонъ послѣдній — появится новый,
Двери замкнутся — свершился обрядъ.

Мрачны богатства и путь, и завѣты;
Груды сокровищъ растутъ и растутъ;
Множатся деньги, къ предметамъ предметы
Въ странномъ смѣшенъи безсмысленно льнуть.

Въ кучѣ безличной познали предѣльность,
Всѣмъ недоступные, чуждые всѣмъ;
Сдѣлавшись цѣлью низверглись въ безцѣльность;
Были возможностью — стали ничѣмъ.

Чужды старухѣ — безсмертное слово,
Яркія краски и пѣсенный ладъ,
Нѣжная благодать общенья живого,
Плоти цвѣтущей живой ароматъ.

Чужды ей пышныхъ одеждъ искушенья
Въ блескѣ согласномъ очей и камней;
Тайна уборовъ и смыслъ украшенья,
Роскошь природы и роскошь людей.

Страшенъ ей жизни порывъ неподкупный,
Страсти живой безрасчетный размахъ;
Милъ ей одинъ только обликъ доступный
Мертвыхъ сокровищъ въ дубовыхъ гробахъ...

Въ домѣ пустынномъ воздвиглась гробница,
Умерли въ сердцѣ веселье и плачь...
Кто-жъ ты, старуха: раба иль царица?
Робкая жертва иль дикій палачъ?

Обложка работы С. В. Чехопина;

рисунки титульных листовъ работы В. Я. Чемберсъ.

Книга отпечатана въ октябрѣ 1911 года

въ типографіи -Сиріусъ-

Спб. Рыночная ул., 10.